

Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских учёных в 1921–1953 гг.

Наталья Пушкарёва

When salaries were really big: material incentives for Soviet scientists, 1921–1953

*Natalia Pushkareva (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

«Золотым веком» советской науки обычно считают вторую половину XX столетия. Однако и в первые десятилетия советской власти её достижения были весьма заметны: сложились научные школы Н.И. Вавилова в генетике, Н.Н. Семёнова в химии, Д.Н. Ушакова в лингвистике, А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамма, И.М. Франка в физике; продолжали работу сложившиеся ещё до революции научные коллективы под руководством И.П. Павлова в физиологии, В.И. Вернадского в биогеохимии. Власть в то время всячески демонстрировала постоянную заботу о развитии научного знания в стране. Неудивительно, что достижения советской науки обычно показывались как линейное восхождение ко всё большим успехам. Литературно-художественное и визуальное подтверждение этого факта можно найти в текстах воспоминаний, кинофильмах, даже в домашних альбомах в семьях учёных. История профессионального сообщества учёных нередко представляла как история героев, готовых жертвовать всем во имя величия Науки¹. О том, каким образом в работниках науки поддерживалось ощущение избранности и исключительности, говорится куда реже.

Как академические институты формировали социальную функцию своих работников, образ их жизни и строй мышления? Какую роль играли в этом процессе учёные степени и звания, позволяющие выявить соответствие работы учёного некоему институциональному шаблону? Как жили учёные и что они получали за свою работу? При изучении академического сообщества нельзя игнорировать и такие темы, как питание, жильё, одежда, строй мышления, переживания, повседневное поведение индивидов и групп.

Ко времени первого послереволюционного реформирования отечественной академической системы численность действительных членов Академии наук немногим превышала 100 человек, а количество профессиональных учёных не поддаётся точному определению, поскольку многие уехали, сменили работу

© 2016 г. Н.Л. Пушкарёва

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований «Историческая память и российская идентичность».

¹ См.: *Пушкарёва Н.Л.* Мифологема «учёная женщина» в советском и постсоветском кино (1945–2010-е гг.) // *Avrasya uluslararası araştırmalar dergisi* [Евразийский журнал исследований]. 2016. Cilt 4. Sayı 8. Ankara, 2016. P. 56–57.

и образ жизни². Уход из науки мог быть стратегией выживания («люди науки вымирали пачками»³, «в Петербурге от голода и холода умирает по одному учёному в день»⁴) или следствием нежелания быть причисленными к социальной группе «бывших людей». Уже одно наличие у учёного «избыточного» имущества, хороших жилищных условий, нежелание или невозможность для молодых, заслуженных людей выполнять «трудовые повинности» в форме пилки дров, таскания тяжёлых брёвен с барж, колки льда, дежурства у ворот могли дать основание для подозрений в принадлежности к свергнутым эксплуататорским классам. «Немного профессоров найдётся, – вспоминал выдающийся русский социолог П. А. Сорокин о гибели академиков А. А. Шахматова и Б. А. Тураева, – которые не были бы хоть раз арестованы, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры. Для многих учёных, особенно пожилых, всё это было медленной смертной казнью»⁵. Моральная атмосфера была подчас тяжелее лишений, чем и объясним всплеск самоубийств среди представителей образованных слоёв населения⁶. Декрет Совнаркома от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учёных и высших учебных заведений Российской республики» упразднил учёные степени и звания, их иерархию и все привилегии учёных⁷.

Доказать свою нужность новой власти в те трудные годы удавалось далеко не всем. Однако определённая часть крупных «учёных деятелей» (списками по 100 человек по представлению ещё не уехавших и согласившихся сотрудничать с новой властью академиков) и отчасти рядовые «научные специалисты», как их именовали документы того времени, были освобождены от «повинностей (трудовой, военной), не имевших отношения к их научным занятиям»⁸. Всем, кто вёл занятия в вузах, автоматически присваивалось звание профессоров. Защиту диссертаций отменили и положение это сохранялось до 1925 г. Поскольку доверия старым профессорам и учёным дореволюционной академии не было (они считались «вчерашним денежным мешком, вчерашним запасом знаний»⁹), дело образования и научных исследований было передано в новые

² Кара-Мурза С. Г. Советская наука и бюрократическая система: грани взаимодействия // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 58.

³ ГА РФ, ф. 4737, оп. 1, д. 11, л. 42; д. 15, л. 37.

⁴ Поход против ЦеКУБУ // Возрождение. 1930. Т. V (№ 1694).

⁵ Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 5. С. 176.

⁶ Родин Д. О постановке статистики самоубийств // Вестник статистики. 1921. № 5–8. С. 84–88; Сорокин П. А. Жизнь среди смерти // Господин народ. 1991. № 7. С. 12; Врангель М. Д. Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции. Т. IV. М., 1991. С. 211; Вернадский В. И. Из дневников 1918–1945 гг. // Литературная Россия. 1993. 12 марта. С. 12.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1918. № 72. Ст. 789. Поскольку до революции быть образованным означало иметь привилегированный статус, замнаркома просвещения М. Н. Покровский предложил упразднить старые дипломы как документальное свидетельство прежних привилегий, не требовать диплома об окончании школы для поступления в университет и не выдавать при его окончании, а также не признавать ранее полученные учёные степени. (Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. С. 237, 350–352).

⁸ Декрет СНК об улучшении положения научных специалистов. 23.12.1919 // Организация науки в первые годы Советской власти. Сборник документов. М., 1968. С. 339.

⁹ «Созданы новые формы подавления... эксплуататоров... этой ничтожной кучки, сильной вчерашним денежным мешком, вчерашним запасом знаний. Они своё знание – профессора, инженера – превращают в орудие эксплуатации трудящихся, говоря, я хочу, чтобы моё знание служило буржуазии, иначе я не буду работать...» (Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров 11(24) января // Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 272).

руки. В первый же год советской власти в Москве была открыта Социалистическая академия общественных наук (в 1924 г. переименованная в Коммунистическую академию) — кузница новых научных кадров¹⁰, а в здании Страстного монастыря с 1921 г. начал работу Институт красной профессуры. Новая власть ставила целью заменить «бывших» преподавателей новыми¹¹ и на специально созданных факультетах общественных наук в университетах и вузах развернуть преподавание партработниками из народа исторического материализма и истории пролетарской революции¹². Лидер государства внушал, что «опираться на интеллигенцию мы не будем никогда»¹³.

Вот почему при создании распределительной системы (выдаваемых бесплатно в годы «военного коммунизма» продуктовых пайков) учёные и преподаватели поначалу оказались отнесены лишь к «третьей пайковой категории» (после рабочих и совслужащих), а зарплата профессора из «бывших» (например, в Казанском университете) могла быть ниже зарплаты дворника¹⁴. Особенно не повезло именно преподавателям. За академических же учёных, продолжавших трудиться в своих областях без чтения лекций и проведения семинаров, бывало, хлопотал неприменный секретарь дореволюционной Академии С.Ф. Ольденбург, писавший в 1921 г. в СНК: «Если в силу продовольственных затруднений не может быть обеспечено сколько-нибудь удовлетворительное питание учёных, то необходимо предоставить возможность уехать за границу им и их семьям, где здоровье и жизнь их будут сохранены для научной работы»¹⁵.

И для университетских, и для академических учёных весьма важное (хотя по степени распространения — лишь вспомогательное) значение имела в начале 1920-х гг. Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда (Nansen's Intellectual Relief) — договор о ней был подписан 14 ноября 1921 г. Пайки в рамках этой помощи (4.1 кг муки, 1 кг жиров, 1 кг риса, 1 кг сахара, 410 г чая, 2 банки молока в месяц) до конца 1923 г. поступали как академическим учёным, так и преподавателям вузов¹⁶, причём только профессорам. Обычные же пайки получали все работники интеллектуального труда, при этом пайковая система была изначально иерархизирована.

Исключительное значение в таких условиях имело создание в 1921 г. по инициативе А.М. Горького Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Совнаркоме РСФСР, так называемой ЦеКУБУ¹⁷. Число зарегистрированных ЦеКУБУ научных работников даже к концу существования этой структуры достигло всего 7 тыс. человек¹⁸, а в 1921 г. не превышало 2 тыс. Учёные самого высшего, 5-го, разряда, «наиболее необходимые для Республики», наделялись вместе с семьями 1.5 пайками и получали 125 руб. золотом в месяц. «Начинаю-

¹⁰ ГА РФ, ф. 7668, оп. 1, д. 742, л. 3.

¹¹ Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 262.

¹² Собрание узаконений и распоряжений... М., 1921. № 19. Ст. 119.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 221.

¹⁴ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 276.

¹⁵ Цит. по: Организация науки... С. 343.

¹⁶ Итоги Последгола (с 15.10.1922–1.8.1923). М., 1923. С. 58–59.

¹⁷ Год работы Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Совете Народных Комиссаров (ЦеКУБУ). Декабрь 1921 г. — декабрь 1922 г. Л., 1922. С. 3–4; Васильев Б.Л. Человек—семья—культура // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 199–200.

¹⁸ Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Совете Народных Комиссаров (ЦеКУБУ). Краткий отчёт. М., 1921. С. 12.

щие» же – по 0.5 пайка и 10 руб. золотом в месяц (их семьи в расчёт не брались). В этот низший 1-й разряд научной иерархии попали те, кто опубликовал хотя бы одну работу не в соавторстве¹⁹. Таким образом, зарплата маститых и начинающих учёных отличалась в стране победившей демократии более чем в 12 раз. По сути, процитированный документ ЦеКУБУ вводил в оборот две «сетки» обеспечения учёных – зарплатную и пайковую (с 1919 г. в стране существовал так называемый классовый паёк, всё население было ранжировано по трём категориям на основании их отношения к физическому труду)²⁰.

Воспоминания о тех годах учёных, переживших времена становления новой власти, пестрят упоминаниями о том, что за научные труды в то время выгодно было получить премию и в виде одежды, обуви, отрезов ткани, бумаги и чернил с карандашами, электрических лампочек. При выдвижении на премию учитывались «1) оригинальность, 2) ударность, 3) практическая полезность и 4) быстрота выполнения» работы. Решение принимала экспертная комиссия из семи членов, двое из которых назначались РАН, один – Комкадемией, по одному – Народными комиссариатами просвещения, здравоохранения и ВСНХ, а председатель представлял ЦеКУБУ. Членами экспертной комиссии могли быть учёные не ниже 3-го разряда из пяти. Поскольку ни один из членов не имел права на премию за свои работы, все они получали повышенную на 50% зарплату, так что входить в комиссию было и почётно, и выгодно²¹.

Поскольку *все* научные работники, зарегистрированные в ЦеКУБУ, с того же 1921 г. для лабораторий, чертёжных, библиотек, коллекций и проводившейся научной работы получили «право на одну дополнительную комнату сверх общего числа жилых комнат, причитающихся по общегражданской норме им и членам их семей»²², постольку регистрация стала для них вопросом выживания. Именно на общие предписания об уплотнении «бывших» (к которым относятся и вышеуказанное постановление) опирался председатель домкома Швондер в «Собачьем сердце» М. А. Булгакова, мечтая уплотнить проф. Преображенского. Многочисленные жалобы учёных на уплотнения заставили ЦеКУБУ принять постановление о выдаче «научным работникам удостоверения, подтверждающего их права на установленные льготы в жилищном отношении»²³.

Зарегистрированные в ЦеКУБУ научные работники имели также привилегию бесплатно посещать концерты и спектакли в Доме учёных в Москве (с 1922 г. и до сих пор он размещается в особняке А. И. Путилова на Пречистенке). Дом учёных как новый тип объединения клубного типа был нужен власти для пропаганды идей социалистического строительства. Весьма скоро здесь заработал детский сад, стали организовываться праздники, музыкальные вечера, читались лекции, работали кружки. Дети учёных, вошедших в регистрационные списки ЦеКУБУ, могли быть зачислены в университет подобно рабфаковцам, без экзаменов: для них бронировались места²⁴.

В 1924 г. при факультете общественных наук МГУ начала работу просуществовавшая до 1929 г. «Российская ассоциация научно-исследовательских

¹⁹ Организация науки... С. 246.

²⁰ Иванова Л. И. Формирование научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980. С. 340.

²¹ Организация науки... С. 362.

²² Там же. С. 348.

²³ ГА РФ, ф. 2306, оп. 1, д. 2599, л. 70–70 об.

²⁴ См.: Запоров И. П. Создание и деятельность Центральной комиссии по улучшению быта учёных 1919–1925 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

институтов по общественным наукам», создание которой было мотивировано нехваткой марксистских кадров, а по сути – необходимостью контролировать деятельность тех, кто формировал списки приоритетных исследовательских тем²⁵. Власть относилась к учёным в целом положительно, хотя и стремилась так перевернуть страницу истории академического прошлого, чтобы поменьше брать в расчёт былые заслуги. Если преподаватели вузов продолжали считаться «буржуазными специалистами», которых казалось нужным перевоспитать и разбавить идейно убеждёнными представителями народа, то академические учёные выглядели менее опасными: они творили в своих институтах и были несколько отделены от масс молодёжи. Не случайно и усилия новой власти были направлены на реформу образования, а не науки. Станным и удивительным образом интересы небольшого по тем временам академического сообщества и власти частично совпали: многие учёные не спешили пополнять ряды преподавателей и вполне были удовлетворены сосредоточенностью на сугубо кабинетной деятельности, что на долгие годы привело к весьма жёсткому отделению научной работы от преподавания. Поскольку и от действительных членов Императорской АН чтение лекций в университетах не ожидалось, данная практика при советской власти выглядела сохранением *status quo*, что на десятилетия определило образ жизни, быт и повседневность академических учёных в нашей стране.

При этом академические учёные в отличие от вузовских всё же сохраняли (хотя и относительно и до поры до времени) некоторую автономность. Отделение академической научной деятельности от преподавания утвердилось после постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. «О признании Российской академии наук высшим учёным заведением СССР»²⁶. От работающих в Академии наук требовалось лишь ежегодно представлять отчёт о сделанном в Совет народных комиссаров.

Идя навстречу пожеланиям академического сообщества, в 1926 г. власть согласилась восстановить систему учёных степеней, упразднённых в годы увлечения эгалитарностью. Это расширило возможности естественным путём иерархизировать научное сообщество. С 1927 г. в академических институтах было введено штатное расписание; уровень жизни каждого сотрудника стал зависеть от должности, наличия учёной степени, характера научных занятий²⁷. Через руководство Академии наук институты и раньше обращались в ЦеКУБУ с ходатайствами и просьбами, касавшимися судеб и защиты жизненных интересов отдельных деятелей науки и, как правило, не всех, а избранных. К началу 1930-х гг. эта практика широкого использования благ ЦеКУБУ укрепились и распространилась на распределявших эти блага номенклатурных чиновников. Не удивительна в этом смысле ремарка молодой исследовательницы, в будущем – академика АН СССР М.В. Нечкиной в письме к мужу от 1928 г.: «Публика здесь (в санатории, откуда написано письмо. – Н.П.) обычная цекубистская, т.е. на 70% сволочь, остальные 30% – есть хорошие»²⁸.

²⁵ Чанбарисов Ш.Х. Указ. соч. С. 237.

²⁶ Князев Г.А., Кольцов А.В. Академия наук СССР // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 296.

²⁷ Хабибрахманова О.А. Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции 1920–1930-х гг. Казань, 2008. С. 116.

²⁸ Архив РАН, ф. 1820, оп. 1, д. 452, л. 120 об.

Материального поощрения формально могли добиться и почти рядовые члены академического сообщества. Штатно-окладная система оплаты труда, окончательно утверждённая Положением СНК от 22 августа 1930 г., поставила научных работников в системе академических институтов в относительно благоприятное положение по сравнению с другими трудящимися. Если рабочий получал 180 руб. в месяц, то профессор и заведующий сектором – 225 руб., доктор наук на должности старшего научного сотрудника – 200 руб. А уж научная номенклатура обладала просто завидным уровнем доходов: ректор университета получал 1 200 руб., проректор – 1 тыс. руб. в месяц; зарплаты директоров академических институтов были столь же высоки²⁹. Отметим, что в начале 1930-х гг. на рынке можно было приобрести пуд муки за 20–30 руб., 1 кг мяса за 3–4 руб., 1 л молока за 1 руб., пуд картофеля за 9 руб.³⁰

Таким образом, оклады в научных учреждениях были не просто сопоставимы с окладами рабочих на предприятиях, но и подчас выше их (а академический паёк продуктами был в полтора–два раза больше пайка «рабочего ударного предприятия»³¹). За публикацию же особо значимых научных, научно-учебных и научно-популярных работ сотрудники академических структур могли ещё и получить дополнительную премию. С 1925 г. стало внедряться звание «заслуженного работника науки», которое давало право на сохранение пенсии при продолжении работы в прежней должности (пенсии же при этом делились на академические и персональные)³².

Не получая увеличения финансирования на денежное и материальное премирование, ЦеКУБУ ещё с середины 1920-х гг. по сути закрыла списки и перестала заносить в свои реестры новых нуждающихся в улучшении бытовых условий научных работников. Установление твёрдых окладов на основании тарифной сетки на деле вело не к увеличению, а к уменьшению реальных доходов учёных, росту дифференциации и расширению льгот для самых высокооплачиваемых (как академиков, так и чиновников, причастных к распределению благ). Чтобы «канализировать» недовольство учёных, власть в 1931 г. решила распустить ЦеКУБУ, задачи которой были объявлены исчерпанными, а функции передавались Секции научных работников ЦекПроса – Центрального комитета профсоюзов. Ещё в 1924 г. Секция выделила 300 фамилий «учёных высшей квалификации», которым было предоставлено право на «академическое обеспечение», как это стало тогда именоваться³³. Одновременно был создан особый фонд для оказания «экстренной и непредвиденной помощи научным работникам в исключительных случаях» – речь шла о помощи вдовам и семьям в случае смерти учёного из утверждённого списка³⁴. В 1931 г. часть чиновников ЦеКУБУ перешла в этот орган, где к ним добавились новые, после чего сама Секция была переименована в Комиссию содействия учёным (КСУ).

²⁹ Шальнев Е. В. Проблема денежного обеспечения работников советского государства в 1920–1930-х гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. Вып. 23. С. 617–620.

³⁰ Цены приведены в кн.: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 90, 103.

³¹ ГА РФ, ф. 4737, оп. 1, д. 7, л. 56.

³² Организация науки... С. 366.

³³ ГА РФ, ф. 4737, оп. 1, д. 109, л. 22–23.

³⁴ Там же, ф. 301, оп. 1, д. 73, л. 2.

В итоге бытовые вопросы жизни научных работников формально полностью перешли в ведение профсоюза³⁵.

Работникам Комиссии было предписано справедливо распределять средства, «ежемесячно развёрстывая их между наиболее крупными научными центрами пропорционально имеющемуся количеству научных работников». Зарплаты учёных двух крупнейших центров науки – Москвы и Ленинграда – были выше заработков занимавшихся научной работой в регионах³⁶. В столицах находились основные учреждения, выплачивавшие самые большие оклады (абсолютной вершиной был Институт красной профессуры, переданный в конце 1920-х гг. ЦИК ВКП(б), а в 1938 г. ставший Высшей школой марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б))³⁷. Местные комиссии содействия быту учёных в начале 1930-х гг. были упразднены. Центральная комиссия функционировала отныне только в Москве, Ленинграде и при СНК Украины. Как и в случае с партийной и советской номенклатурой, иерархия вузовско-академической интеллигенции превратилась в иерархию должностей и территорий³⁸.

Оплату труда учёных власть старалась поставить в очевидную бюрократам зависимость не только от должности, учёной степени, но и от характера занятий (лабораторная, архивная, экспедиционная работа)³⁹, приравнять хоть каким-то образом их деятельность к труду рабочего или служащего. На IV Всесоюзном съезде научных работников в 1933 г. в отчётном докладе был отмечен факт улучшения материального положения учёных (на деле же хорошо жили лишь самые известные, статусные и проживавшие в «обеих столицах»). Оформление академической номенклатуры⁴⁰ сопровождалось неуклонным сокращением числа одариваемых милостью властей академических учёных, а принцип научных заслуг постепенно и аккуратно заменялся должностным. Комиссия, заседавшая при СНК в 1931 г., подводя базу под готовящуюся унификацию научных должностей, заявила, что в номенклатуре научных работников СССР накопилось слишком «много пестроты и неопределённостей»⁴¹. Проект новых списков, утверждённый в 1932 г., включал следующие должности: директор, заместитель директора по научной части, учёный секретарь, научный консультант, заведующий сектором/отделом, руководитель группы/лаборатории, старший научный сотрудник, младший научный сотрудник, лаборант. Этот реестр почти без изменений действовал на протяжении многих десятилетий, а по сути в несколько расширенном виде существует и сейчас.

Секция (Комиссия) содействия учёным имела в своей номенклатуре переданные ей из ЦеКУБУ списки на 7 тыс. научных работников, которых следовало обслужить и снабдить академическими пайками, местами в ведомственных больницах, «домом для приезжающих» на Кропоткинской набережной⁴². В условиях острого дефицита мест в санаториях и домах отдыха распределение путёвок в системе АН СССР было обусловлено не только состоянием здоровья

³⁵ Организация науки... С. 359.

³⁶ Вишленкова Е. А. *Terra universitatis: два века университетской культуры*. Казань, 2005. С. 151; Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. Р-644, оп. 1, д. 135, л. 60.

³⁷ Иванова Л. И. Указ. соч. С. 189.

³⁸ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 104.

³⁹ НА РТ, ф. Р-644, оп. 1, д. 909, л. 94; Хабибрахманова О. А. *Властные стратегии...* С. 117.

⁴⁰ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 104.

⁴¹ Собрание узаконений и распоряжений... М., 1934. № 3. Ст. 30.

⁴² Постановление СНК СССР от 11 ноября 1937 г. «О ликвидации КСУ при СНК СССР» (URL: <http://lawru.info/dok/1937/11/11/n1195182.htm>. Дата обращения: 11.07.2016).

и потребностями того или иного научного работника в отдыхе, но и его местом в академической иерархии. Её высший эшелон мог пользоваться ведомственными санаториями в Ялте и Кисловодске, однодневным домом отдыха КСУ при СНК СССР «Сосновый Бор» в Болшево под Москвой, а также самым роскошным домом отдыха – Санаторием «Наука» КСУ в Сочи (архитектор А.В. Самойлов, 1935–1947; снесён в 2007 г.). На улице Пречистенка располагался также книжный отдел ЦеКУБУ, выписывавший по просьбе учёных новейшую литературу из-за рубежа⁴³.

Учёных ранжировали по конкретным научным заслугам, по степени активности в их поддержке власти (готовности выступать на общественных мероприятиях с речами славословия), по близости научной работы общественному производству, по месту жительства (столица или регионы)⁴⁴. Тот, кто сумел попасть в круг избранных, мог в 1930-е гг. жить в элитных квартирах, приобретать платья и костюмы в «своих» ателье по пошиву одежды, иметь оплачиваемый двухмесячный отпуск... Любопытно, что, скажем, детских садов при КСУ не было предусмотрено: элитное снабжение касалось немолодых людей, которые могли себе позволить наём домработницы или няни или просто вышли из фертильного возраста. За совокупность столь желанных благ власть ожидала от учёных активного участия в общественной жизни, и степень такой активности можно было отследить по заводимому на каждого с 1932 г. персональному (личному аттестационному) делу. Это понятие было введено во имя высоких целей планирования научной работы, но по сути было формой учёта степени вовлечённости в социалистическое строительство.

Особым статусом обладали члены союзной и республиканской академий наук, заслуженные деятели науки. В составе научной элиты «второго ранга» оказывались директора институтов и музеев, их замы, старшие научные сотрудники. При этом научный сотрудник, не имевший степени доктора наук, не мог быть включён в номенклатурные списки КСУ. В общей сложности КСУ включило в состав научной номенклатуры около 10 тыс. человек. Если высшая группа академической элиты (около 300 человек) снабжалась на уровне партийных и государственных служащих самого высокого (республиканского и столичного) уровня, то снабжение второй было лишь несколько лучше норм индустриальных рабочих (что тоже было неплохо). По нормам 1932 г. академикам и директорам (номенклатура первой группы) полагалось 6 кг мяса и 4 кг свежей рыбы на человека в месяц, в то время как профессорам – всего 3 и 2 кг соответственно, меньше круп, масла, но равное с первой группой число папирос (750 шт.) и хлеба. На иждивенцев в семье полагалась половинная норма⁴⁵. Номенклатурные списки учёных утверждались ЦК ВКП(б). Чтобы попасть в них, предпочтительнее было состоять в партии⁴⁶. Зарплата, объём и характер привилегий научных работников, а следовательно, и уровень их бытовых

⁴³ Письма Б.Н. Лятошинского к В.К. Стешенко-Куфтиной // Науковий вісник Національної музичної академії України імені П.І. Чайковського. 2013. Вип. 101. С. 347–367.

⁴⁴ Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Учёные записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 128; Завойская Н.Е. Казанский университет конца двадцатых – тридцатых годов. Сороковые годы // Наука. 1990. № 3. С. 36–40.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 4737, оп. 1, д. 385, л. 7. Впервые упомянуто в кн.: Осокина Е.А. Указ. соч. С. 253.

⁴⁶ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 363, 391.

притязаний оказались ориентированными на партийно-государственную элиту, которая задавала модель образа жизни⁴⁷.

В целом власть делала ставку именно на Академию наук (подчинённую Совнаркому), превратив её в ведомство, курирующее всю фундаментальную науку страны, берущее под свой контроль все НИИ. И не случайно Президиум АН СССР в 1934 г. перевели из Ленинграда в Москву. Функции КСУ в условиях новой перестройки системы поощрений стали сужаться, и роль главного распределителя жизненных благ постепенно стала переходить к Всесоюзному комитету по высшему техническому образованию (ВК ВТО) под председательством Г.М. Кржижановского. Начало переходу было положено Постановлением СНК СССР «Об учёных степенях и званиях», принятым 13 января 1934 г.⁴⁸ Правом присвоения тех и других стала Высшая аттестационная комиссия при ВК ВТО, в ведении которой находилась не фундаментальная наука, а в первую очередь прикладные и технические отрасли знания.

Именно в 1934 г. в СССР установилась система с двумя основными учёными степенями – кандидата и доктора наук⁴⁹. При этом учёные степени могли присваиваться и без защиты диссертации⁵⁰, а учёные звания – без предварительного получения соответствующей учёной степени, на основании «заслуг перед наукой или народным хозяйством»⁵¹. В 1934 г. учёную степень доктора получили 112 человек, из них 91 – без защиты диссертации, в 1934–1936 гг. докторами наук стали 345 человек, из них 278 – без защиты⁵². Неудивительно, что заведующими (кафедрами, секторами в институтах) становились лица, не имевшие не только учёных степеней, но подчас и высшего образования.

23 ноября 1935 г. был принят Устав АН СССР, согласно которому Академия наук стала считаться учреждением, «объединяющим наиболее выдающихся учёных страны»⁵³. В то время в стране было более 2.5 тыс. профессоров с докторской степенью, свыше 3.8 тыс. доцентов с кандидатской, а также около 1 800 докторов и 3 тыс. кандидатов наук в академических учреждениях страны⁵⁴. Их оклады зависели теперь от наличия или отсутствия научной степени, звания и стажа⁵⁵. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 марта 1933 г. «Об улучшении жилищных условий научных работников» декларировало право учёного иметь дополнительную комнату или жилплощадь в размере дополнительных 20 кв. м, причём оплачивать её «в ординарном размере».

⁴⁷ Балакин В. С. Отечественная наука в 50-е – середине 70-х гг. XX в. Опыт изучения социокультурных проблем. Челябинск, 1997. С. 47.

⁴⁸ Собрание узаконений и распоряжений... М., 1934. № 3.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 7668, оп. 1, д. 854, л. 4, 5, 8–10, 41–42, 44, 45, 65–67. Устанавливались учёные звания ассистента (для НИУ – младший научный сотрудник), доцента (старший научный сотрудник), профессора (действительный член). Учёные степени определяли научную квалификацию с точки зрения его специальности и научной работы, а звания – должностную научную функцию (педагогическую или научно-исследовательскую).

⁵⁰ Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

⁵¹ ГА РФ, ф. 7668, оп. 1, д. 854, л. 5, 65–67.

⁵² Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950. С. 88.

⁵³ Академия наук СССР // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. Т. 1. М., 1949. С. 578.

⁵⁴ История России XX – начала XXI века / Под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 451.

⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений... М., 1937. № 21. Ст. 83; Зезина М. Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР 1945–1985 // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 1. С. 21.

К 1939 г. относится начало строительства 12-этажного 10-подъездного «дома академиков» на Большой Калужской улице в Москве (ныне это д. 13 по Ленинскому проспекту). В некоторых из его 145 квартир до сих пор сохраняются комнаты по 45–50 кв. м, которые в те годы имели лепнину на потолке и колоннах, отделявших зал от коридора. Мемориальная доска на доме подчёркивает, что он возведён по проекту академика А.В. Щусева и стал первым из сооружений Академгородка, так и не достроенного из-за начавшейся войны. Тогда это была тихая московская окраина, рядом стояли домики одно-двух-этажной застройки, и от возвышавшегося рядом с ними «дома академиков» до Президиума АН СССР (в распоряжение учёных был отдан усадебный комплекс Александринского дворца гр. А.А. Орловой, построенный в Нескучном саду в начале XIX в. и названный по имени жены Николая I) можно было дойти пешком. Другие 10 домов, построенные в этом районе в 1940 г. по проектам В.Д. Чечулина и А.Г. Морвинова, также призваны были обеспечить отличным жильём (квартиры были с большими «венецианскими» трёхстворчатыми окнами, 3-метровыми потолками) «выдающихся» сотрудников академических институтов.

Ко времени очередной реформы в области «улучшения быта учёных» – замены КСУ в 1937 г. хозяйственным (хозяйственно-бытовым, административно-хозяйственным – в разное время были разные названия) управлением РАН – в списках КСУ числилось около 1.5–2 тыс. человек, снабжавшихся по нормам центральных партийных и советских учреждений, и около 10 тыс. научных работников (примерно 40% их общего числа), снабжавшихся по повышенным нормам индустриальных рабочих особого и первого списков⁵⁶. Среди 1 500 человек, имевших самые большие привилегии («повышенное материальное обеспечение»), был 131 академик и вдвое больше членов-корреспондентов⁵⁷. Справедливости ради стоит сказать, что не все настоящие учёные, попавшие в заветный список и получившие достойный уровень жизни, готовы были пресмыкаться за это перед властями или, по крайней мере, отлично осознавали, какой ценой такое материальное благополучие покупается. «Горемычной женой не могу быть. Не могу подобострастно целовать руку повелителям, говорить, как всё замечательно. Так делают много наших учёных, и видно, что это поощряется», – размышлял в неотправленном письме Сталину в июле 1936 г. академик П.Л. Капица⁵⁸.

К концу 1930-х гг. в стране, по сути, возникла каста привилегированных «государственных» учёных, которая была в статусном и бытовом отношении отделена от тысяч рядовых научных работников. Их повседневный труд был направлен на решение прежде всего прикладных задач. Во время войны и сама АН СССР, и все её филиалы были заняты обслуживанием нужд фронта. В то время была заметна поддержка государством практически-ориентированных научных разработок и даже увеличение финансирования науки, в том числе её работников: в 1942 г. вышло распоряжение о повышении зарплаты работников науки и образования в 1.5 раза⁵⁹. Конечно, условия жизни даже профессоров в военные годы не всегда были достойными, продукты выдавались по карточ-

⁵⁶ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 104.

⁵⁷ См.: Хромов Г. Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. 2002. № 7.

⁵⁸ Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980 гг. М., 1989. С. 124.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 5462, оп. 19, д. 161, л. 61.

кам, получаемым учёными в Академпродснабе (очередной реинкарнации ЦекУБУ⁶⁰). За особые заслуги сотрудник АН СССР мог получить теперь персональный оклад от СНК, превышающий размеры тарифной ставки, но тогда же укрепилась практика выдачи таких окладов не столько учёным, сколько администраторам, сумевшим организовать нужный уровень научной «отдачи».

Таким образом, внутри научной среды сформировалась своя чиновничья система, пользующаяся всё более высокой степенью автономии по отношению как к самим учёным, так и к государственной власти. Постепенно, но неуклонно эта система становилась посредником между учёными и государственной властью. На протяжении 1940-х гг. массированное внедрение подневольных и военизированных методов организации научной деятельности («шараги», «ящики», «спецхраны», «треугольники», осведомительский корпус, анкеты, режимы «первых отделов», «допуски»⁶¹) способствовало укреплению этого особого слоя «организаторов науки». Условия материального обеспечения и оплаты труда учёных стали между тем ещё более зависимы от того, где именно велась научная работа: больше всего платили в эвакуированных академических институтах союзного значения, тогда как в «шарагах» заключённые научные работники зарплаты в денежной форме не получали⁶². Именно в годы войны родилась практика изымания всех средств, заработанных научными учреждениями, в госбюджет, который стал единственным источником финансирования науки⁶³. Остатки экономической автономии научных учреждений были уничтожены.

Через несколько месяцев после окончания войны Сталин подписал Постановление Совнаркома СССР от 14 октября 1945 г. «О строительстве дач для действительных членов Академии наук СССР». Так началось сооружение специальных академических дачных поселков – 125 домов под Москвой, недалеко от Звенигорода, и 25 под Ленинградом (в Келломяки, ныне Комарово): дома заказывались в Финляндии, оборудование и фурнитура – в Германии⁶⁴, строили пленные немцы. Отапливаемые изразцовыми печами, обитые изнутри светлой вагонкой типовые двухэтажные дачи, каждая с тремя спальнями, газифицированной кухней, ванной и туалетом, огромной застеклённой верандой, должны были быть переданы академикам бесплатно, безвозмездно и навечно. Помимо собственно домов, на участках за счёт государства возводились тёплые гаражи и двухкомнатные квартиры для прислуги⁶⁵, ставшей верной приметой жизни номенклатурных семей⁶⁶, а спустя 20 лет, т.е. уже в начале 1960-х гг. на всех дачах появились московские телефонные номера. В том же посёлке действовал медпункт (от ЦКБ РАН), в котором работали опытные врачи, имелся свой клуб («Дом учёных в Мозжинке»), продуктовый магазин. Аналогич-

⁶⁰ Документы Центракадемснаба см. в: Архив РАН, ф. 550 (307 дел, охватывающих период 1943–1948 гг.).

⁶¹ Рашковский Е. Б. Ленинская онтология социальной свободы как проблемы познания судеб науки в СССР // Вторая конференция по социальной истории советской науки. М., 1990. С. 48.

⁶² Зезина М. Р. Указ. соч. С. 20.

⁶³ Архив РАН, ф. 410, оп. 1, д. 7, л. 26.

⁶⁴ Там же, д. 1, л. 48.

⁶⁵ Дом учёных в Мозжинке. История поселка (URL: <http://www.du-moz.ru/index.php/istoriya/istoriya-poselka>). Дата обращения – 03.05.2016).

⁶⁶ Клоц А. Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.

ные, но меньшие по размеру дачные посёлки академиков были отстроены под Москвой в Луцино, несколько дач – в Абрамцево⁶⁷.

Принятое 6 марта 1946 г. Постановление СНК «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий» существенно изменило положение научных кадров в СССР: учёные стали превращаться в одну из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп общества. В том же 1946 г. для работников АН СССР были созданы спецполиклиники.

Как только оклады были повышены, усилилась такая типичная для российской науки тенденция, как нежелание залуженных работников науки и образования уходить на пенсию. Оклад академика в конце 1940-х гг. достигал 10 тыс. руб., на пенсии же он должен был бы получать лишь несколько сотен⁶⁸. Впрочем, положение не изменилось и тогда, когда по особому распоряжению В.М. Молотова было разрешено сохранять ушедшим на пенсию в 65 лет членам-корреспондентам и в 75 лет академикам полный оклад, продовольственное и промтоварное снабжение⁶⁹ (позже им выделили для приобретения в личное пользование и легковые машины).

Вывод о том, что самоотверженное служение науке обеспечивает высокий уровень жизни, человек той эпохи мог сделать и на основании живописных портретов академиков и профессоров, выполненных официальными портретистами – членами Союза художников СССР, а также из просмотра фильмов тех лет. Достаточно вспомнить знаменитую киноленту «Весна» Г.А. Александрова (1947). Невероятная работоспособность астрофизика Ирины Никитиной (героиня Любови Орловой)⁷⁰ зиждилась в этом фильме на решённости всех бытовых проблем учёной. У одиноко живущей Никитиной имелась домработница⁷¹ (роль Ф.Г. Раневской), на которую и было возложено поддержание порядка в роскошной двухэтажной «профессорской» квартире с 3-метровыми потолками, дорогой мебелью и тонким фарфором. Героиня пила чай, сидя за столом с накрахмаленной скатертью, отвергала шляпки, присланные ей лично на дом прямиком из «Дома моделей». И домработница, и слишком большая для одного человека квартира – всё это было реальными деталями быта известных учёных сталинского времени. Кинофильмы конструировали желанный для вступающих на научный путь и «узнаваемый» образ жизни порой чудаковатых, но преданных стране и науке людей, о быте которых заботится государство. В изображении быта известных учёных допускалась известная степень буржуазности и даже порой роскоши.

Научные сотрудники из академических реестров и чиновники, работавшие в аппарате АН, понимали, насколько они зависимы от власти после получения всех благ, которые могли быть отняты – а это бывало в случае «идеологиче-

⁶⁷ Дачный посёлок Луцино и его окрестности. М., 2002.

⁶⁸ ГА РФ, ф. 5462, оп. 19, д. 161, л. 5.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 25, д. 446, л. 5.

⁷⁰ Прототипами Никитиной могли быть биофизиолог академик АН СССР Л.С. Штерн (1878–1968), дерматолог академик АМН СССР О.Н. Подвысоцкая (1844–1958) или член-корреспондент АН СССР математик П. Я. Кочина (1899–1999). См.: *Пушкарёва Н.Л.* Воспроизводство кадров для российской науки в советский и постсоветский период: гендерный и институциональный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 58–77.

⁷¹ Подробнее тему репрезентации бытовых мелочей в кинематографе 1930-х гг. см. в статье: *Дашкова Т.* Любовь и быт в советском кинематографе 30–50-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 59–67.

ских шатаний учёных»⁷². Согласно Уставу АН СССР, принятому в 1951 г., за деятельность, противоречащую задачам строительства социализма, академики могли быть лишены своего звания (для докторов наук и ниже такого предусмотрено не было)⁷³. После принятия Устава усилился идеологический нажим на институты, увеличилось число членов КПСС, обычной стала практика назначения (а не выборов) академиков-секретарей отделений Академии наук⁷⁴. Именно к началу–середине 1950-х гг. относится «эпоха экскаваторов» и «опыт применения большого плуга» – так это время окрестил выдающийся историк Б. А. Романов, имевший в виду выбывание 45 академиков и 35 членов-корреспондентов из системы АН СССР в 1946–1952 гг. и замену их ещё более лояльными властью учёными⁷⁵.

Многие виды внеденежного поощрения в конце 1940-х гг. распространились не только на верхушку, но и на всех сотрудников академических институтов: сухие пайки, литерные обеды в «столовых лечебного питания», «продлимит». Нормой стало также обеспечение учёных промышленными товарами на определённую сумму (в зависимости от ранга на «академической» лестнице) – хлопчатобумажными и шёлковыми тканями, обувью (академикам и членам-корреспондентам АН выдавались отрезки шерсти, шёлка, ткани для пальто и столь популярные в грязной и мокрой столице того времени галоши); получили распространение спецателье⁷⁶. В 1949 г. специальным постановлением СНК РСФСР были утверждены необычно большие (по сравнению с иными профессиями) размеры отпусков для сотрудников академических институтов: 48 дней для докторов наук, 36 – для кандидатов⁷⁷.

На рубеже 1940–1950-х гг. размеры окладов работников науки стали зависеть не только от степени, звания, должности, стажа работы, но и от категории научного учреждения; самые высокие оклады были установлены для сотрудников институтов АН в Москве и Ленинграде, при этом оплата труда младшего научного сотрудника без степени (2 тыс. руб.) составляла $\frac{1}{15}$ часть оклада президента АН (30 тыс. руб.). Директор института получал около 8 тыс. руб., рядовой старший научный сотрудник (доктор наук) – 4 тыс. руб.⁷⁸ В неакадемических институтах оклады были существенно ниже (во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина президент получал 20 тыс. руб., директор института – 6 тыс., старший научный сотрудник – 3.5 тыс. руб.). Таким образом, даже младший научный сотрудник, кандидат наук, работающий в любом НИИ, особенно академическом, зарабатывал в послевоенные годы больше, чем врач-терапевт (800 руб.) или лаборант в вузе (550 руб.).

Неудивительно, что как раз на рубеже 1940–1950-х гг. в СССР были введены ограничения для научных сотрудников, вводившие запреты на совместительство по полной ставке (допускалось не более половины оклада), а также

⁷² Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях». 6 августа 1951 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1945–1955 гг. М., 1985. С. 245.

⁷³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 133, д. 188, л. 178–179.

⁷⁴ Зезина М. Р. Указ. соч. С. 24; Панеях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 26.

⁷⁵ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 323.

⁷⁶ Архив РАН, ф. 410, оп. 1, д. 1, л. 75.

⁷⁷ Там же, л. 65.

⁷⁸ Там же, л. 5; д. 29, л. 27.

уменьшавшие ставки почасовой оплаты. Правило распространялось на всех совместителей, кроме академиков и членов-корреспондентов АН, которым позволялось получать полный оклад на нескольких местах работы⁷⁹. С 1950 г. была запрещена выплата гонораров за публикацию книг, написанных по плановым темам институтов⁸⁰, — это немедленно привело к тому, что сотрудники сразу же стали охотнее выполнять внеплановые темы и поручения издательств.

Высокие оклады, система внеденежных поощрений в зависимости от должности и званий превратили научную интеллигенцию в весьма привилегированный социальный слой. Зарплата среднего звена сотрудников академических институтов соответствовала зарплате высших слоёв творческой интеллигенции (художественных руководителей творческих коллективов) и одновременно была примерно равна зарплате руководящих работников среднего звена министерств и ведомств. Столько же, сколько и старший научный сотрудник академического института (в ранге доктора наук), получали в Москве начальник главка (4 тыс. руб.), инструктор ЦК КПСС (4.5 тыс. руб.), но чиновники имели гораздо больше льгот в обеспечении жильём, бытовом и медицинском обслуживании⁸¹. О прикреплении «отдельных» научных сотрудников не только к столовой Президиума АН СССР, но и к «кремлёвке» — столовой на ул. Грановского в Москве (за старым зданием университета) — хозяйственное управление Президиума АН СССР хлопотало особо. Кому получать обеды и их заменители («продуктовые наборы»), а кому нет, решала спецкомиссия во главе с председателем Центральной ревизионной комиссии КПСС. В состав спецкомиссии входили управляющие делами ЦК и Совмина и представитель Минторга РСФСР, которому подчинялась столовая. Сумма, на которую выдавались обеды или продукты, была одинакова для всех, но и тут была своя иерархия: кто-то, в том числе персональные пенсионеры, имевшие «особые заслуги перед государством», платил вдвое меньше остальных⁸².

Со смертью Сталина в истории взаимоотношений работников науки и власти начался новый период. Истории «брака по расчёту» между учёными и властью, как и его расторжению в 1990-е гг., может быть посвящено не одно исследование. Завершая же обзор системы поощрений в академическом мире СССР 1921–1953 гг., хочется подчеркнуть: те, кто предоставлял тогда льготы учёным, руководствовался не коварными замыслами подавления индивидуальной воли путём прямого подкупа. Множество учёных получало поощрения, льготы и привилегии более чем заслуженно и благодаря материальному поощрению имело возможность целиком сосредоточиться на работе. Однако история советского социального эксперимента убедительно показывает и ряд отрицательных последствий симбиоза верхушки академического сообщества и власти; он начал складываться вместе с созданием ЦеКУБУ и существовал вплоть до распада СССР, а в отдельных элементах сохранился и до наших дней. Три первых десятилетия истории советской науки явили во многом неприглядную картину того, как научные структуры служили средством реализации далёких от науки задач — распределительных, воспитательных, контрольно-репрессивных.

⁷⁹ Там же, д. 1, л. 82.

⁸⁰ Там же, д. 371, л. 4.

⁸¹ Зезина М. Р. Указ. соч. С. 24.

⁸² Постановление Совмина СССР от 14 ноября 1956 г. № 1475 «Об утверждении Положения о персональных пенсиях» (URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-dokumenty/r1a.htm>. Дата обращения: 11.07.2016).